

Му Сычэнь быстрым шагом подошел к доске и увидел, что Чэн Сюйбо приписал к дополнительным правилам: «Родственникам запрещается перевозить пациентов вместе с больничными койками, используя для этого тележки».

Му Сычэнь лишь молча посмотрел на это.

Формулировка, которую выбрал Чэн Сюйбо, была пугающе наглядной.

Написанные Чэн Сюйбо слова вспыхнули красным светом, а затем, словно впечатавшись в бумагу, застыли на ней. Глядя на них, Му Сычэнь тут же ощутил странное чувство скованности.

Чэн Сюйбо же склонил голову набок, словно к чему-то прислушиваясь, затем удовлетворенно кивнул и повесил ручку на стену.

Там был крючок, к которому она крепилась. Как только Чэн Сюйбо отпустил ручку, она тут же исчезла.

Закончив с этим, Чэн Сюйбо наконец заметил стоявшего позади него Му Сычэня и радостно воскликнул:

— Брат, я наконец нашел тебя! Эта игра просто безумие какое-то. Давай объединимся, а?

Взгляд Му Сычэня упал на нагрудную табличку собеседника. Как он и ожидал, на ней значилось: Родственник: Чэн Сюйбо.

В то же время Му Сычэнь отметил, что Чи Лянь с самого начала называла его благодетелем, а Чэн Сюйбо — братом. Несмотря на высокий уровень доверия и симпатии, у него не было стикера «Я», а значит, Чэн Сюйбо не был его последователем.

Му Сычэнь слегка кивнул и, указав на дополнение к правилам, спросил:

— Что ты натворил?

При упоминании об этом лицо Чэн Сюйбо мгновенно побледнело, и он с содроганием ответил:

— Только я вошел в санаторий, как по радио объявили, что я должен ухаживать за больными. Я отправился в указанную палату к своему подопечному, но когда увидел его... Господи, это было так жутко, даже описать не могу. Самое страшное, что это была заразная болезнь.

Чэн Сюйбо протянул руки, чтобы показать Му Сычэню:

— Смотри, все руки покрыты глазами-волдырями!

Его заражение оказалось куда серьезнее, чем то, что пережил в свое время Му Сычэнь: половина руки была усеяна этими наростами.

— И что потом? — спросил Му Сычэнь.

Чэн Сюйбо продолжил:

— Так вот, зараза! Тот пациент лежал на кровати и кричал, что не будет лечиться, ни за что на свете! Говорил, что хочет умереть, вернуться в царство Владыки Ехуа и сбросить с себя эту грязь. А потом он откуда-то выхватил нож и полоснул себя по горлу.

Радио тут же велело мне защитить жизнь пациента и помочь врачам с лечением. Я немедленно выбил у него нож, но он продолжал вопить. Я нажал на кнопку вызова, но никто не пришел. Я ждать не стал, использовал навык и запихнул его прямо вместе с кроватью в тележку, чтобы отвезти к доктору.

Кто же знал, что в лифте нас встретит тот самый волонтер с щупальцами, на которых растут глаза, и вышвырнет нас вон. Радио сообщило, что пациент до выписки обязан быть прикован к кровати. Формально я правил не нарушил, но то, что я притащил кровать в коридор — случай в санатории беспрецедентный. Радио сказала, что это лазейка в правилах, поэтому на первый раз мне простят, но я обязан написать уточняющее правило. Иначе в следующий раз накажут.

— А я-то думала, ты просто так ловко правила меняешь, уже восхищаться начала, — вставила подошедшая Чи Лянь. — Оказывается, ты их просто нарушил!

— Чи Лянь, ты тоже здесь? Я уж думал, что потерял вас навсегда, — увидев знакомое лицо, Чэн Сюйбо заметно успокоился, и глаза-волдыри на его руках перестали распространяться.

— Да, нам повезло, что в таком густом тумане мы попали в один и тот же санаторий, — радостно сказала Чи Лянь.

— И не говори, я думал, что больше вас не увижу, — отозвался Чэн Сюйбо.

Му Сычэнь уверенно возразил:

— Это не везение. Этот санаторий сам нас призвал.

Чи Лянь и Чэн Сюйбо переглянулись. Вспомнив события последних часов, они поняли, что слова Му Сычэня звучат логично.

Радость от встречи начала утихать, и тревога вновь окутала их сердца. Однако состояние Чи Лянь было явно лучше, чем у Чэн Сюйбо. Взглянув на Му Сычэня, она почувствовала себя спокойнее и сказала:

— Ничего страшного. Капитан Му очень умный, я верю, что он со всем справится!

— Капитан Му? Разве не Ша? — с сомнением переспросил Чэн Сюйбо.

Чи Лянь объяснила ситуацию с именем, и Чэн Сюйбо хлопнул себя по лбу:

— Оказывается, можно было взять псевдоним? А я указал настоящее имя, вот же незадача!

Видя, что Чэн Сюйбо совсем не в курсе происходящего, Чи Лянь вкратце пересказала ему всё, что узнала от Му Сычэня.

Чэн Сюйбо часто кивал:

— О, вот оно как... Хорошо, что я вас встретил, здесь ужасно опасно.

— Это точно, — согласилась Чи Лянь. — Но ты тоже молодец, смог добавить правило. Мы как раз искали такую возможность. Капитан Му, в чем же принцип работы этих дополнений?

Пока они разговаривали, Му Сычэнь уже понял суть.

— Всё просто, — пояснил он. — Радио само подсказало Чэн Сюйбо: это лазейка в правилах.

Чэн Сюйбо смог изменить правила, потому что совершил действие, которое в санатории не приветствовалось, но прямо не было запрещено. Это вызвало программный баг в работе самого санатория, поэтому потребовалось уточнение, чтобы закрыть эту дыру.

Проще говоря: пациентов приковывают к кроватям, значит, санаторий не позволяет им покидать палату. Но раз это подразумевается как само собой разумеющееся, правило не было прописано официально. Однако если прямого запрета нет, значит, это можно сделать. Чэн Сюйбо вывез пациента вместе с кроватью — он не нарушил букву правил, но сделал то, чего санаторий не допускает. Этот поступок обнажил уязвимость, и он получил право внести дополнение.

Выслушав объяснение, Чэн Сюйбо почесал затылок:

— Но почему именно мне разрешили дополнить правила? Я всего лишь родственник. Где руководство санатория? Где главврач?

— Верно, здесь словно нет никакого начальства, — добавила Чи Лянь. — Вроде бы должен быть Последователь Пернатого Ока, но мы его так и не видели.

Эти слова заставили Му Сычэня задуматься.

Он вспомнил Яо Ванпина, который без всякого стеснения рылся в чужих комнатах, не заботясь о том, заметят его или нет, и никто не пытался ему помешать. И когда Чи Лянь менялась табличками, и когда Му Сычэнь превращал волонтеров в пациентов — никакой реакции, никаких предупреждений. В то же время стоило Чэн Сюйбо вывезти кровать, как радио тут же среагировало.

Предупреждения приходят только при нарушении скрытых правил. Значит ли это, что их предыдущие действия были в рамках дозволенного?

— Если даже вывоз пациента карается предупреждением, почему превращение врачей и волонтеров в пациентов остается безнаказанным? — спросил Му Сычэнь.

— И правда, — Чи Лянь склонила голову набок. — По идее, то, что делали мы, гораздо хуже, верно?

— Вот именно, — поддержал её Чэн Сюйбо. — Вы так жестоко обошлись с врачами и волонтерами, а я всего лишь хотел помочь пациенту, и меня сразу предупредили.

Слова Чэн Сюйбо словно озарили Му Сычэня. Он тут же сказал:

— Есть два отличия. Первое: Чэн Сюйбо сделал добро пациенту, а мы поступили плохо с врачами и волонтерами. Второе: объект действий Чэн Сюйбо — пациент, а наши — другие сотрудники.

Чи Лянь задумалась:

— Значит, нам нельзя делать добро другим или нельзя делать добро пациентам? Этот санаторий такой извращенный.

— И, похоже, не очень умный, никакой автоматизации, — добавил Чэн Сюйбо, глядя на написанное им правило.

— Вот именно! Недостаточно умный! — воскликнул Му Сычэнь.

Судя по его опыту общения с Большим Глазом, если бы тот узнал, что Му Сычэнь подрывает основы Городка Ока, обращая десять человек в веру Цинь Чжоу, он бы пришел в ярость и уничтожил их всех на месте. Но здесь подобные действия были допустимы.

— Кажется, я начинаю понимать, почему так происходит, — сказал Чэн Сюйбо.

Му Сычэнь и Чи Лянь уставились на него.

Чэн Сюйбо смущенно спрятал руку с волдырями:

— Понимаете, я программист не самого высокого уровня. Иногда программы, которые я пишу, работают, но путь, которым они приходят к результату, совершенно нелогичен. Я требую от программы перехода из А в Б, а она идет по маршруту А-С-D-С-Б. Результат тот же, но процесс безумно запутанный, и я сам не всегда понимаю, как это работает. Но я не трогаю код, пока система функционирует.

Му Сычэнь понял: санаторий — это программа, написанная Большим Глазом, чтобы та работала автоматически, пока он спит. Но уровень мастерства Большого Глаза невысок, программа постоянно дает сбои, поэтому и предусмотрена система «дополнительных правил».

— А какая конечная цель этой программы? — спросила Чи Лянь.

Му Сычэнь не был уверен, выдержат ли психика его спутников правду о «Столпе». Поэтому, не вдаваясь в подробности, он сосредоточился на вопросе. Шэнь Цзюэ говорил, что «Столп» питается энергией отчаяния и горя. Санаторий использует механизм «выбывания слабейших». Пациенты — это нижнее звено, их страдания внушают ужас остальным. Чтобы не стать пациентом, люди стараются, но, попадая в этот логический тупик, они заражаются негативом, который становится пищей для «Столпа».

Всё встало на свои места. Пациенты должны быть максимально несчастными, лишенными свободы, чтобы внушать страх. Поэтому любые попытки облегчить их участь должны пресекаться.

Му Сычэнь изложил свои выводы, не упоминая «Столп».

— Похоже, пока работает этот механизм выбывания, санаторию не нужно управление, он сам себя поддерживает, — подытожил он.

— Значит, любой, кто сюда попадет, обязан превращать других в пациентов, издеваться над ними и промывать им мозги? — Чэн Суйбо закатал рукав. — Эта дрянь отвратительна, никакой радости!

— Даже проявить доброту к пациенту — и то нарушение, как же это жестоко, — Чи Лянь вздрогнула, вспомнив, как её саму едва не сделали пациенткой. — Я хочу домой. Я смогу вернуться?

— Я тоже, даже если придется работать сверхурочно до облысения, — вздохнул Чэн Суйбо.

— Я не знаю, сможем ли мы вернуться, — горько усмехнулся Му Сычэнь.

Отчаяние начало медленно заполнять пространство вокруг них. В этот момент Му Сычэнь почувствовал, что на него кто-то взглянул боковым зрением. Он вскочил, огляделся, но никого не увидел.

— Вы не чувствовали, что за нами наблюдают? — спросил он.

— Да! С самого начала игры, — ответила Чи Лянь. — При Белом Дне это особенно заметно, при Черной Ночи — слабее. Но только что кто-то точно смотрел.

Чэн Сюйбо кивнул:

— Я тоже. Раньше я не был таким чувствительным, а здесь стал очень остро всё ощущать.

— Должно быть, это сила Большого Глаза, — сказал Му Сычэнь. — В конце концов, это городок, где глаза значат всё.

Он вспомнил Цинь Чжоу. Если бы не пребывание в Городке Ока, он бы ни за что не заметил взглядов, которые тот на него бросал.

Если всё так, как он думает, найти «Столп» невозможно, ведь у него нет физического тела. Му Сычэнь нахмурился.

— Кстати, когда я вез пациента, я тоже почувствовал этот взгляд. И это не был мимолетный взгляд, кто-то словно в упор уставился на меня, — добавил Чэн Сюйбо. — А потом заговорило радио.

Му Сычэнь посмотрел на него, и в голове начала складываться догадка.

— Ого, так сурово? — Чи Лянь попыталась придать голосу легкость. — Ты просто вывез пациента, почему к тебе отнеслись строже, чем к нам троим, когда мы тонули в отчаянии?

Чэн Сюйбо ответил:

— С точки зрения программиста, это автоматическое исправление ошибок. Представь: ты внесла в игру сто рублей. Программа зафиксировала доход, но не придала значения — таких пользователей полно. Но если в системе оплаты возник баг, даже крошечный, программа немедленно выдаст ошибку, потому что это угрожает будущим доходам.

Чи Лянь кивнула:

— Поняла. Мы втроем просто «задонатили» отчаянием, санаторий нас проигнорировал. А ты, когда вывез пациента, словно взломал систему оплаты, поэтому программа сразу выдала ошибку и «прикрикнула» на тебя.

— Именно, — сказал Чэн Сюйбо.

Их попытки объяснить происходящее через реалии современного мира помогли им

взбодриться. Разговор помог Му Сычэню доработать план. План был невероятно рискованным, но другого пути не было. Му Сычэнь был самым подходящим кандидатом для его исполнения. Он не хотел рисковать, но раз идея принадлежала ему, он должен был взять на себя ответственность.

Однако он не собирался идти на верную смерть. В этом санатории, где нет настоящего интеллекта, нет ничего надежнее правил.

Му Сычэнь посмотрел на бумагу с правилами. Как написать такое, которое защитит его? Сейчас единственная возможность — действовать через пациентов, ведь это «система оплаты» санатория. Но как сделать так, чтобы правила защищали волонтеров?

Он вспомнил первое правило: «Медицинский персонал может входить в любую комнату санатория». Как Яо Ванпин смог это прописать?

Му Сычэнь попытался представить себя на месте Яо Ванпина — человека предельно рационального и хладнокровного, готового пожертвовать кем угодно ради цели. Если бы он был Яо Ванпином, он бы заставил своих спутников блокировать двери и совершать действия, которые санаторий не одобряет, например, использовать силу Цинь Чжоу для очищения пациентов от волдырей.

Санаторий хочет видеть страдания, поэтому глаза-волдыри должны быть неизлечимы — их можно только передать от одного к другому. Очищение обязательно вызовет гнев системы, и тогда, чтобы исправить «баг», Яо Ванпин мог бы добавить правило о доступе в комнаты, чтобы остановить своих же людей. Жертва ради цели была бы для него оправдана.

Как только эта схема сложилась в голове, перед левым глазом Му Сычэня промелькнули видения. Он будто увидел, как Яо Ванпин врывается в уборную, вытаскивает пациента с почти исчезнувшими волдырями, что-то шепчет ему, и тот, потеряв рассудок, снова покрывается наростами, а затем послушно идет к лифту.

— Что это? — прошептал Му Сычэнь, прикрывая глаз.

Неужели левый глаз автоматически «видит» прошлое, если он угадывает суть событий?

Он уже обладал тремя способностями: видеть то, что происходит в поле зрения, даже если не смотрит прямо; видеть суть вещей, скрытую от других; и теперь — видеть прошлое, если логика событий разгадана. Похоже, это были силы самого Большого Глаза.

Значит, как только наступит «Белый День» и Большой Глаз откроет глаза, он увидит всё, что они творили в «Черную Ночь». Второго шанса не будет. Нужно решить всё сегодня.

Му Сычэнь решительно указал на «Правила управления»:

— Я хочу добавить правило: Нельзя причинять вред волонтерам и препятствовать их действиям.

— Зачем? — удивилась Чи Лянь. — Тогда мы не сможем превращать волонтеров в пациентов ради стикеров.

— Не волнуйтесь, стикеры будут, — улыбнулся Му Сычэнь.

— Но как добавить правило, если санаторий даже не смотрит на нас, когда мы бьем волонтеров? — спросила она.

— Потому что превращение волонтера в пациента выгодно системе, — пояснил Му Сычэнь. — Нам нужно, чтобы волонтер совершил действие, которое выглядит как причинение вреда пациенту, но на самом деле является лечением, а затем кто-то третий должен это прервать. Тогда возникнет баг, и санаторий потребует исправления. Вот тогда мы и запишем нужное правило.

— И что потом? — спросила Чи Лянь.

— Выполним задание системы, — ответил Му Сычэнь. — Уничтожим «Столп», расположенный в этом санатории.

Чи Лянь не понимала плана до конца, но безоговорочно доверяла благодетелю:

— Что мне делать?

— Преврати меня в волонтера, — скомандовал Му Сычэнь.

Они нашли волонтера, убирающего в туалете. Чи Лянь взмахнула ножницами, и таблички поменялись: волонтер стал «Родственником: Ша Даянем», а Му Сычэнь — «Волонтером: Чжан Саньсанем».

— Вы двое можете делить энергию между собой, это же просто потрясающе! — с нескрываемой завистью воскликнул Чэн Сюйбо. — Это особый навык, который дает объединение в группу? Можно мне вступить в вашу команду?

Никакое это не разделение энергии, просто его последовательница Чи Лянь бесцеремонно пользуется его запасами, даже не спрашивая разрешения, с грустью подумал Му Сычэнь.

— Сейчас ты не можешь присоединиться ко мне. Как только мы объединимся, твой статус сменится на статус пациента. Когда кризис будет улажен, я объясню тебе условия формирования группы, и тогда ты сам решишь, хочешь ли стать моим напарником, — ответил Му Сычэнь.

— Хорошо. Куда мы теперь направимся, чтобы найти подходящего пациента? — спросил Чэн Сюйбо.

Му Сычэнь ответил:

— На седьмой этаж, к моему пациенту. Ты сможешь туда подняться?

Чэн Сюйбо пояснил:

— Мой пациент лежит на третьем этаже, но кабинет врача Яо Ванпина находится на седьмом, так что я могу туда пойти.

Значит, лечащий врач пациента Чэн Сюйбо — Яо Ванпин? Тогда нужно действовать немедленно, иначе Яо Ванпин вполне может навредить родственнику пациента ради достижения своих целей.

Троица вместе подошла к дверям палаты 704. Му Сычэнь велел остальным ждать снаружи и врываться, как только они услышат условный сигнал, чтобы пресечь действия врача.

Договорившись о плане, Му Сычэнь открыл дверь.

Шэнь Цзиюэ сидел на больничной койке и молча ждал его.

<http://bllate.org/book/20573/2055865>